

ГЛАВА 1

ВСТРЕЧА

На широкую проезжую дорогу смотрят белые хаты. Окна с расписными наличниками прикрыты тонкими занавесками. Под окнами растут розовые мальвы, душистые вьюнки, в густой траве около перелазов краснеют маки, над черными, разогретыми солнцем вишнями кричат и ссорятся воробьи. А позади белых хат, понизу за огородами, за цветистым лугом, кружит быстрая речка. За рекой синеют густые леса. На лугу лениво пасутся колхозные коровы, истомленные жарой, сытной пищей и надоедными слепнями. По другую сторону села — богатые колхозные поля. Теплый ветер доносит оттуда медовый запах цветущей гречи, легкий шум созревающей пшеницы.

Солнце перевалило за полдень. У колхозного сарая девчата и хлопцы складывают под навес сено. У плетня старые деды раскуривают трубки и мирно беседуют меж собой:

- В подбор¹ сено идет...
- Погода подходящая...

¹ В подбор или как на подбор — одинакового вида, качества, обычно хорошего, отборного, чем-либо выдающегося (ред., — здесь и далее).

— В самый раз для уборки.

В волосах у девчат путаются сухие стебли, забираются за воротники, щекочут шеи.

Председатель колхоза Степан Ильич мнет в ладонях душистый пучок сухой травы и жадно вдыхает ее запах:

— Богатые корма для скотины!

По улице пробегают с граблями девчата.

— Эй, девчата! — окликает их Степан Ильич. — Повыше от реки скирды складывайте, где я указал!

— Добре! — звенят с улицы молодые голоса.

Степан Ильич смотрит на небо, поглаживает широкой ладонью бритые щеки. Праздничная, расшитая васильками рубашка ловко сидит на его статной фигуре; воротник туго охватывает загорелую шею. Голубые глаза щурятся от солнца.

— Раздела тебя, Степан Ильич, жинка, как на свадьбу! — шутят над ним старики.

Степан Ильич смущенно оглядывает себя, осторожно снимает с рубашки сухой стебелек и улыбается широкой, простодушной улыбкой, показывая ровные белые зубы:

— Верно, что раздела! К сенокосу вышивала, а тут еще и московских гостей ждем!

Старики улыбаются:

— Ребята наши до свету встали да за Игнатом в Ярыжки бегали!

— Ну, ясно! Большой интерес для них — московские пионеры!

— Сейчас должны прибыть, — скручивая папиросу, говорит Степан Ильич.

Во двор вбегает босоногий подросток:

— Дядя Степан! Вас до сельрады кличут!

— Добре. Иду сейчас. — Степан Ильич крупно шагает к воротам.

— Степан Ильич! Бригадир спрашивает, какое ваше распоряжение будет насчет луговины. Сегодня там починать косить или завтра? — окликает председателя дивчина в красной косынке и синей подоткнутой юбке.

— Сегодня, сегодня починайте, пока погода стоит!

На улице, толкая друг дружку, скачут ребятишки. Щупленький дед суетливо пробегает мимо.

— Дед Михайло, не видно москвичей? — спрашивают деда ребята.

— Нема ще.

— Поезд на станции уж давно гудел!

— Гудеть-то гудел, да дорога не ближняя.

На улице показываются возы, доверху нагруженные сеном.

— Стой! Стой! Заверни один воз до школы! Заверни, говорю, председатель приказал! — машет рукой дед Михайло.

В колхозе «Червоны зирки» ждут гостей.

В председателевой хате жарко. Мать Степана Ильича, баба Ивга, вытаскивает из печи дымящийся чугунок, вычерпывает дуршлагом горячие вареники. Темное сухое лицо ее с черными бровями покраснелось. Аккуратно подобранные под очипок² гладкие волосы, подернутые сединой, блестят, как намазанные маслом.

— А где ж то наш Степан? И весь народ на поле, некому будет и встретить приезжих, — беспокоится

² *Очипок* — национальный головной убор замужних украинских крестьянок: шапочка, чепец, присобранный сзади.

она. — Татьяна! Беги за холодцом, уже не рано! Беги, голубка моя!

Татьяна, председателя жена, хватает полотенце и бежит в погреб. Разогретая солнцем земля жарко припекает ее босые ноги.

Степан Ильич быстрым шагом идет к своей хате:

— Поторапливайся, жинка, поторапливайся! Время!

На широком лице Степана Ильича блестят капельки пота, он расстегивает воротник и вытирает платком шею.

— Ой, Степа, так же некрасиво!

Татьяна на ходу застегивает мужу воротник, оправляет ему рубашку.

— Да жарко же, — покорно говорит он, подхватывая на руки выбежавшего из хаты маленького белобрысого хлопчика. — А ну, Жорка, садись на плечи, да пойдем до ворот, сынок! Глянем на дорогу, не едут ли гости из Москвы.

* * *

С утра сидели у околицы колхозные пионеры, купая в пыли босые ноги и прикрыв от солнца глаза. Трижды успели они сбегать к реке, прежде чем ветер донес до них звонкую песню и из-за леса вынырнул грузовик с широким, полыхающим, как пламя, пионерским знаменем...

— Едут! Едут!

— Бежим на село!

— Выходьте с хаты! — врываясь во двор Степана Ильича, кричали ребята. — Живо! Бо вони вже туточки!

— Встречают! Встречают! — волновались в машине приезжие. — Митя! Нам как, Митя?

— Знамя выше! Девочки, знамя поднимайте! Ребята, подъезжаем! — кричал Васёк Трубачёв, придерживая разлетающийся рыжий чуб. — Пойте громче!

Сергей Николаевич поднял шляпу и, стоя в машине, замахал ею над головой.

— Ура! Ура! — дружно вырвалось за его спиной.

На улице, у хаты председателя колхоза, быстро собралась толпа встречающих.

Грузовик остановился. Оттуда, как горох, посыпались ребята, хватаясь за протянутые к ним руки.

— Доехали!

— Здоровеньки булы!

— Доехали, голубята мои!

Степан Ильич заторопился навстречу, но женщины опередили его.

Высокая, прямая баба Ивга быстро поправила на голове нарядный очипок. Татьяна засуетилась около грузовика.

— Здравствуйте, голубята мои! — выступая вперед и кланяясь, сказала баба Ивга. — С приездом вас, дорогие гости!

— С приездом! С приездом! — весело кричали ребяташки, пропуская наконец вперед Степана Ильича.

— Здорово, здорово, дорогие гости! Окружили вас со всех сторон, никак не дают человеку поздороваться! — добродушно смеялся Степан Ильич, пожимая руку учителю.

Николай Григорьевич растроганно говорил старикам:

— Земляки мы... Вот добрался я до своей родины... Добрался все-таки...

Ребята, сбившись в кучку, весело оглядывались вокруг. Откуда-то сбоку с громким барабанным боем неожиданно двинулся к ним отряд колхозных пионеров.

— Здорово, товарищи! — оглушительно рявкнул из строя белоголовый Федька Гузь.

— Здорово! — прокатилось за ним.

Барабанщик, стиснув зубы, яростно бил в барабан.

— Тихо, ты! — крикнул на него хлопчик в пиджаке и шапке-кубанке. — Тихо ты! Дай слово сказать!

Игнат Тарасюк сдвинул на ухо кубанку и выступил вперед.

— Построиться! — шепнул своим ребятам Трубачёв.

Ребята поспешно стали в строй.

Все стихло...

Васёк вышел навстречу колхозным пионерам и отдал салют.

— Привет от Москвы! — горячо и взволнованно крикнул он.

— Привет от колхоза «Червоны зирки»! — отдавая салют, с достоинством ответил ему Игнат Тарасюк.

Ребята пожали друг другу руки.

— Будем знакомы! — важно сказал Игнат, поднимая густые сросшиеся брови, оглядел Васька и вдруг, не удержавшись, с удовольствием шлепнул его по спине крепкой ладонью: — Бачь, який ты! Московский!

Отряды зашумели, смешались. Ребята быстро познакомились, не обращая внимания на взрослых.

Решено было двинуться к школе, выгрузить вещи, привести себя в порядок.

— Девочки, девочки, как тут хорошо! — радовалась Нюра Синицына. — Я ни за что отсюда не уеду! Ни за что! Хоть насильно меня тащи!

Ребята направились к школе.

Валя Степанова шла по краю дороги, срывала ромашки и о чем-то расспрашивала колхозных пионеров. Лида Зорина, подпрыгивая, убежала вперед. Мальчики старались держаться солидно: Одинцов с кем-то спорил, что-то горячо доказывая, а Петька Русаков с любопытством оглядывал желтое поле подсолнухов и тихонько толкал Мазина:

— Подсолнухов-то! Подсолнухов! Вот где полакомимся!

— Ладно уж, — ворчал на него Мазин. — Что за характер у тебя, Петька! Ведь в гости приехали. Сдерживайся все-таки.

Трубачёв и Булгаков разговаривали с Игнатом.

— Вон где будете жить! — гордо сказал Игнат, снимая с головы свою кубанку. — Смотрите — это наша школа!

* * *

В середине села, на высоком пригорке, неподвижно стоят строгие прямые тополя. Под ними краснеет черепичная крыша новой, выкрашенной в голубую краску школы.

На собрании колхозников решено было покрасить школу веселым цветом, чтоб «дитя до ней бигло краще, як до дому». И теперь школа была видна далеко с дороги.

«Як дивчина на празднике», — шутили колхозники и, объясняя кому-нибудь дорогу, говорили:

— Як дойдете до школы...

Или:

— Як минуєте школу...

Сторожем при школе поставили деда Михайла. Там он и жил со своим внуком Генкой в маленькой белой мазанке.

Этим летом привезли в школу столы и парты. Из района ждали новых учителей. А прошлые зимы ребята из колхоза «Червоны зирки» бегали учиться в соседнее село Ярыжки, к учительнице Марине Ивановне.

— В Ярыжках школа четырехклассная, а это семилетка, понятно? И участок нам отвели при школе. Будем свой сад сажать, — объяснял Игнат.

Дед Михайло отворил ворота. Ребята с шумом вбежали на широкое гостеприимное крыльцо школы. В классах было светло и прохладно, пахло крапской и свежим тесом, на полу лежало душистое сено.

— Ребята! Занимайте себе класс! Чур, это наш! Смотрите — пятый! Это наш! — кричали девочки.

Мальчики осматривали сложенные в углу парты. Игнат, присев на корточки, прижимал ладонь к крашеному полу и с гордостью говорил:

— Вот краска! Только недавно покрасили, а ничуть не прилипает! И блестит, как зеркало!

— Живо, живо, ребята! Нас хозяева с обедом ждут. Потом все разглядим, — торопил Митя.

Наскоро умывшись и пригладив волосы, ребята вернулись во двор председателя колхоза. Под тенью деревьев уже был поставлен длинный стол, покрытый чистым, выбеленным холстом. Чашки с синими ободками, расписные глиняные миски и тугие буке-

ты цветов украшали стол. От чугуна с красным украинским борщом поднимался душистый пар. Из-под вышитых полотенец виднелись румяные перепички и полянціци³; на варениках, величиною с добрый кулак, таял сахарный песок. Хлопотливые пчелы кружились над кушаньями. Под столом, сладко зевая в ожидании пиршества, улеглись сбежавшиеся отовсюду псы. Они шевелили холст, высовывали из-под стола черные носы, беспокойно принюхивались к запахам. Колхозные ребяташки отгоняли их длинными ветками:

— А куды! А куды!

Ребята шумно и весело размещались за столом попеременно с колхозными пионерами.

— Сюда, сюда, Василь! Около меня садись! — тянул Трубачёва Игнат. — Садись, садись!

Сева Малютин очутился рядом с барабанщиком.

— Девочки, девочки! Идите к нам! — звали Лида и Валя новых подружек.

— Да вы ж гости... мы после...

— Нет, вместе, вместе!

Федька Гузь тарачил серые глаза на Мазина и, согнув в локте руку, показывал ему свои мускулы:

— А ну, потрогай! Бачишь? Як камень!

Мазин крепко сжимал Федькины мускулы.

— Стой, стой! Ух, и сила ж в тебе! — искренне восхищался Федька.

³ *Перепичка* — украинская лепешка (корж) из кислого теста, приготовленная на сковороде. Подается и к первым блюдам, и как самостоятельный десерт с медом и вареньем. *Полянціца* или *паляныця*, или *паляница* — украинский хлеб из пшеничной муки, приплюснутый, округлый, обычно с характерным «kozyрьком» из корки сверху, образованным благодаря надрезу перед выпечкой.

Баба Ивга весело и радушно угощала ребят:

— Ешьте, ешьте, мои голубята! Ешьте на доброе здоровьишко!

Сергей Николаевич и Митя сидели на другом конце стола и оживленно беседовали с председателем. Татьяна налила им меду. Сергей Николаевич встал, поднял кружку и что-то сказал. Ребята в шуме не слышали его слов, но громко захлопали. Тогда Степан Ильич вышел из-за стола, пригладил усы и тоже поднял свою кружку:

— А ну, выпьем за московских пионеров! Налейте-ка им медку, мамо! Чтоб росли да поднимались, як дубы могучи, як соколы вольны, комсомолу на подмогу, нам на радость!

Баба Ивга налила ребятам меду. Ребята встали, смутились:

— Трубачёв, выступи! Выступи!

— Одинцов, Булгаков, что же вы? — зашептали девочки. — Отвечайте же!

— Митя! — пискнул кто-то.

Сергей Николаевич улыбнулся. Митя кивал ребятам:

— Ну, отвечайте! Что же вы? Трубачёв!

У Васька загорелись уши. Он взмахнул кружкой, мед плеснулся на голову Мазина. Мазин вытер ладонью мокрые волосы и сердито сказал:

— Да говори, что ли, а то обливаешь только людей!

Общий хохот заглушил его слова.

Трубачёв тоже засмеялся и уже без смущения громко сказал:

— Обещаем вам вырасти хорошими людьми, хорошо учиться, помогать взрослым и... — Он запнулся и горячо закончил: — Спасибо вам за все!

Все захлопали, зашумели.

Степан Ильич вдруг взглянул на небо и заспешил:

— Как бы туча не набежала... Ну, дорогие гости, пейте, ешьте, веселитесь, а мы пошли. Время горячее — сенокос идет. Еще успеем и повидаться, и наговориться! Угощайте ребят, мамо, а мы с Татьяной на луг пойдем.

Веселье продолжалось еще долго.

С песнями и шутками до самой школы провожали своих гостей сельские пионеры.

ГЛАВА 2

НА НОВОСЕЛЬЕ

Утром, плотно позавтракав, девочки принялись устраиваться на новоселье.

— Ребята, разгрузайте коридор! Мы свое уже все убрали. Тащите мешки! — командовала Лида Зорина, заправляя под косынку мокрые косички. Они с Нюрой Синицыной уже успели сбегать на речку и выкупаться.

— А, хитрюшки! Вы уже выкупались, а нас работать заставляете! — кричали, бегая по двору, мальчики. — Мы тоже хотим купаться!

Леня Белкин схватил ведро и, зачерпнув кружкой воду, погнался за товарищами:

- Кто хочет купаться? Подставляй голову!
- Мазину жарко!
- Нет, Одинцову! Петьке!

Белкин наскочил с ведром на Мазина. Оба упали, вода пролилась, ведро с грохотом покатилося по ступенькам. На шум выскочила Нюра Синицына:

— Бессовестные! Что вы делаете? Нам новое ведро дали, а вы его по ступенькам катаете!

Она подняла ведро и стала разглядывать его на свет.

Белкин, хромая, поднялся на ноги:

— Тебе ведро жалко, а человека не жалко!

— Хватит баловаться! Пошли в класс порядок наводить! — крикнул Саша Булгаков.

В классе лежало не убранное с ночи сено. Петька Русаков уже сгреб его в кучу и развалился наверху.

Мазин с размаху шлепнулся ему на спину:

— Мала куча! Мала куча!

Ребята навалились друг на друга. Сено полетело во все стороны. Леня Белкин стал на четвереньки и с целой копной на спине вылез в коридор.

— Вам что, сено на один раз дали, что ли? — напали на ребят девочки.

— Убирайтесь отсюда сейчас же! — размахивая полотенцем, кричала Лида Зорина.

— Как не стыдно! Ведь этим коров кормят, а вы ногами топчете!

— Уходите отсюда!

— А вы не командуйте здесь! Какие командирши приехали!

— Повязали себе косыночки и воображают!

— Ребята! Сергей Николаевич идет! — крикнул Одинцов.

— Собирайте сено!

— Ага! Испугались! Вот вам будет сейчас! — поддразнили их девочки.

Сергей Николаевич вошел в класс:

— Что тут у вас происходит?

— Да ничего... Работаем, Сергей Николаевич! — скромно отозвался Мазин, как ни в чем не бывало собирая в охапку сено.

— Ой, работают! — всплеснула руками Синицына.

— Что, попадает вам от девочек? — усмехнулся Сергей Николаевич и, подойдя к куче сена, с удовольствием уселся на нее. — Хорошо! Люблю я на сене поваляться! Удивительно пахучие здесь травы! Мне всю ночь снился мед. Интересно, от каких это цветов пахнет медом?.. А ну-ка, попробуем разобраться в этом гербарии! — Он положил на колени пучок сухой травы и осторожно отделил сморщенный сиреневый цветок. — Вот это, например...

Ребята со всех сторон полезли смотреть:

— Это клевер! Клевер!

— А вот полевая гвоздика! И мелкая ромашка... Смотрите, Сергей Николаевич, ромашка!

— А вот это — травка «степное сердце», она может всю зиму стоять.

— А вот мята! Я мяту нашел! Эх, и пахнет! Понюхайте, Сергей Николаевич! — протягивая засохший стебель мяты учителю, радовался Малютин. — Мята на сырых местах растет — это, верно, около реки косили траву.

Все по очереди понюхали мяту, разглядели выгоревший от солнца василек, сморщенные копытки, увядший цветочек смолки.

В коридоре послышались шаги Мити.

— Что это так тихо у вас? Я думал — все купаться ушли, — сказал Митя, заглядывая в комнату.

— Какое купанье! Мы еще не убрались. Везде беспорядок. А что у ребят делается!

— Что у нас делается? Ничего не делается! — запротестовали ребята.

— Вот в том-то и дело, что ничего не делается! — засмеялся учитель. — У нас с вами, Митя, тоже еще никакого уюта нет. Придется вступить в соревнование с мальчиками.

Трубачёв вскочил:

— Ребята! На соревнование с Сергеем Николаевичем и Митей!

— А с нами? Сергей Николаевич, с нами! — запрыгали девочки.

— Ну, с вами мы не беремся! Мы уж с мальчиками лучше... Как вы думаете, Митя, а? — спросил учитель.

— Да уж с девочками насчет уюта лучше не спорить, Сергей Николаевич. Обязательно проиграем!

Девочки лукаво поглядывали на них:

— Да мы вам все сами сделаем, только вы лучше уйдите пока куда-нибудь.

— Ну нет! Это не годится, — запротестовал Сергей Николаевич. — У вас свои дела, а у нас свои.

Все принялись за работу.

Прежде всего девочки устроили уголок для отца учителя. Они подружались с ним еще в поезде и, бегая по всему вагону, часто заглядывали в купе учителя. Николай Григорьевич играл с ребятами в шахматы и радовался, выигрывая партию. Один раз, когда выиграл Мазин, старик очень огорчился:

— Эх, разбил ты меня... старость не радость.

Ребята напали на Мазина:

— Ты что! Не мог проиграть? Как тебе не стыдно! Не маленький, кажется.

Мазин, почесывая затылок, недовольно сопел:

— Он тоже не маленький...

В школе девочки выбрали для Николая Григорьевича солнечный класс, перенесли туда его вещи, поставили букетик цветов. У себя в классе они расположились совсем по-домашнему: откуда-то появились у них настенное зеркальце, корзинка с иглами и нитками и даже занавеска.

У мальчиков в углу валялись удочки, сетки, футбольный мяч и вещевые мешки. Эти вещи они перетаскивали с места на место, пока не вмешались девочки и не помогли им привести все в порядок. Школа ожила.

Во дворе вертелись колхозные ребята, спрашивали, не надо ли чего. Пятилетний Жорка прыгал на одной ножке и кувыркался на траве.

После обеда мальчики натягивали волейбольную сетку, Федька Гузь вместе с Мазиным надували футбольный мяч, девочки сбегали на луг и притащили пышные букеты цветов, кто-то разбирал рыболовные снасти, а Игнат Тарасюк деловито расхаживал по двору, давал советы, а потом, засучив рукава, мастерил около крыльца скамейку.

— А ну, сядем все разом! Выдержит она нас или нет? А то я еще колья забью. Садись, хлопцы! — приглашал он улыбаясь.

Улыбка у Игната была очень добрая и сразу смягчала строгое выражение лица, которое придавали ему густые, сросшиеся брови.

После трудового, хлопотливого дня, когда все ребята собрались во дворе школы, на крыльцо, прихрамывая и держась за перила, вышел отец учителя.

— Эх, хорошо вечером посидеть на крыльце! — сказал он, присаживаясь на ступеньки и глядя вокруг. — Славные места... Молодость вспоминается. Много тут дорожек было нами исхожено... Много и крови пролито... Славный вояка был мой Матвеич, да и я на силу не жаловался: одной рукой подкову гнул. Эх, Матвеич! Товарищ мой! Тяжко пострадал он в Гражданскую... В голову ранен был... Два дня мы с ним в болоте скрывались...

— А что, дедушка Николай Григорьевич, не наш ли это Иван Матвеич, что пасекой колхозной заведует? — с интересом спросил Игнат.

— Он, он! — оживился Николай Григорьевич. — Вот я к нему и поеду! А далеко ли до пасеки?

— Далеко. Отсюда не увидишь. Если по шоссе идти — километров двенадцать будет, а как снимут пшеницу, так напрямки, полем, — поменьше. Красивые места эти... Таких мест нигде нету... Пасека над рекой стоит, вся вишеньем поросла. Зайдешь весной к Ивану Матвеичу — и уходить не хочется... Падают на плечи белые квитки, поют пчелы, а река — плеск-плеск! — рыбку за рыбкой подгоняет...

Ребята слушали Игната не прерывая. Сергей Николаевич и Митя подсели на крыльцо.

Мягкие сумерки уже давно окутали село, и в хатах горели огоньки.

ГЛАВА 3

КОСТЕР

На другой день вместе с колхозными ребятами было решено устроить пионерский костер.

— Мы расскажем им о нашей жизни, а они нам о своей, — говорил Митя. — Васёк Трубачёв и Игнат Тарасюк познакомят ребят с работой своих отрядов. Найдется много интересного и у них, и у нас.

Ребята заволновались:

— Трубачёв, подготовься хорошенько! Не подведи!

— Это не шутка, — мрачно сказал Мазин. — У них тут работы много. Как бы они нас не перетянули... Ты смотри обдумай, что будешь говорить.

— Ты как-нибудь красиво расскажи, ну там... то, другое... — скашивая глаза на Митю, заметил Петька.

— Иди ты еще! — рассердился Одинцов. — «То, другое»... Надо честно говорить, напрямки!

— А вдруг у них лучше окажется? Ведь мы свою школу подведем!

— Надо было раньше думать! — отрезала Синицына. — А то как дошло до дела, так испугались!

— Кто испугался? Кто испугался? — напали на нее ребята. — Сама ты испугалась!

Лида Зорина вместе с Валей Степановой спешно записывали все, что делало их звено, как работали кружки в школе, сколько вышло газет.

— Они у нас что-нибудь переймут, а мы — у них, вот и будет хорошо, — серьезно сказал Сева.

Васёк, окруженный со всех сторон, молча хмурил брови. Потом решительно сказал:

— Как было, так и расскажу!

Ребята успокоились:

— Ничего, Трубачёв не подведет!

Мазин покусал нижнюю губу, посчитал что-то по пальцам и внушительно посоветовал:

— Начинай с маленького, с мизинчика, понял? А самый козырь на конец прибереги, понял?

Леня Белкин припомнил, как Мазин, получив плохую отметку, пошел в буфет и сразу десять котлет съел.

— Это ты на конец прибереги, Трубачёв! — хохотали ребята. — Вот и будет у нас козырь!

Мазин махнул рукой:

— Эх, жизнь! Съел человек от огорчения, а они смеются!

— Ну, что вы там расшумелись? — прикрикнул издали Митя. — Желаящие выступить в самостоятельности — записывайтесь заранее!

Ребята начали записываться.

Девочки обещали сплясать русскую; набралось много желающих прочесть стихи; Одинцов вызвался рассказать про деда Щукаря — отрывок из книги «Поднятая целина». Программа оказалась большой.

— Ну, вот и набралось кое-что. А еще и хозяйева нас чем-нибудь порадуют, — говорил Митя, пряча в карман записную книжку.

Митя вообще чувствовал себя хорошо. Все его радовало: здоровый, бодрый вид ребят, новые места, гостеприимные колхозники.

Радовался Митя и тому, что за дорогу он как-то незаметно сдружился с Сергеем Николаевичем, и тому, что уже сделано главное — всем родителям разосланы телеграммы о благополучном прибытии на место, а в школу отправлено коллективное письмо с описанием встречи с колхозниками «Червоны зирки».

Впереди ожидало много интересного: веселый отдых, работа вместе с колхозниками. Но это был большой план на будущее, а пока они с Сергеем Николаевичем решили дать ребятам хорошенько оглядеться, познакомить их с колхозом и устроить поход с ночевкой в лесу.

«В общем, все будет хорошо! Просто замечательно!» — радовался Митя.

До вечера ребята бегали, советовались, репетировали. У Синицыной горели щеки, она подходила то к одному, то к другому:

— Девочки! Только бы не осрамиться, только бы не осрамиться! Пойте изо всех сил!

— Как это — изо всех сил? Не придумывай! Пой как надо! — строго говорила Валя.

— Конечно. А то затынем козлиными голосами...

— Всю Москву осрашим!

— Только ты, Мазин, не пой, пожалуйста! У тебя очень плохой голос, — предупреждала Лида Зорина.

— Спою! — заупрямился Мазин. — В хоре не слышно будет, кто как поет.

Игнат Тарасюк тоже собрал свой отряд и вывел его в рощу, чтоб подальше от москвичей, на свободе, прорепетировать.